

Евгений СУХОВ

КАМЕРА АБСУРДА

Расследования криминального репортера

Евгений Сухов
Камера абсурда

«ЭКСМО»

2014

Сухов Е. Е.

Камера абсурда / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2014 — (Расследования криминального репортера)

ISBN 978-5-457-67587-2

В центре Москвы убит известный продюсер Марк Лиснянский. Столичные сыщики немедленно приступают к расследованию и вскоре задерживают главного подозреваемого – режиссера Альберта Пиктиримова, который накануне убийства, будучи в изрядном подпитии, заявил, что собирается «завалить» продюсера. Репортер Аристарх Русаков не верит, что безобидный режиссер-алкоголик мог совершить убийство. Он начинает собственное расследование и вскоре выходит на нового подозреваемого. Русаков увлечен поиском истины и даже не подозревает, что его уже приговорили к смерти...

ISBN 978-5-457-67587-2

© Сухов Е. Е., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1. Поосторожнее с мыслями, или Что рассказала мне Ирина	5
Глава 2. Первый допрос, или Почему продюсер Лисянский передумал	14
Глава 3. Несостоявшийся поцелуй, или Допрос второй	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Сухов

Камера абсурда

Глава 1. Поосторожнее с мыслями, или Что рассказала мне Ирина

– Ты получил премию? – спросил шеф, останавливая меня в коридоре. Этот вопрос непосредственного начальства поставил меня в тупик.
– Какую премию, Гаврила Спиридонович? – удивился я.
– За выпуск программы «Кому достанется «Добрыня», – недоуменно посмотрел на меня шеф.

– Э-э...

– Ну, если сотрудники не будут знать про такие вещи, так что тогда они вообще могут знать? Что, разве не читал моего приказа?

– Нет, не читал, – признался я.

– Ну, тогда иди и почитай, – сказал немного раздраженно шеф. – Кстати, я оценил твоё резюме по самому высокому тарифу.

– Да? – выказал я как бы удивление, хотя знал сам, что концовка у меня получилась весьма ударной. Да и вообще репортаж получился отличный...

– Да, – ответил шеф и процитировал мой заключительный синхрон к программе «Кому достанется «Добрыня» и всему «Кулинарному делу», которое я все-таки довел до логического завершения: – «Кто сказал, что «гений и злодейство – две вещи несовместные»? – подражая моему голосу, произнес шеф. – Ах да, это же сказал Александр Сергеевич Пушкин в «Моцарте и Сальери», – хлопнул он себя ладонью по лбу. – Не мне, конечно, перечить великому поэту и гражданину, но я все же вынужден не согласиться с Александром Сергеевичем. Увы, гений и злодейство совместны. И даже вполне... – Шеф посмотрел на меня и покачал головой: – Перечить самому Пушкину, это у тебя очень органично вышло. И вообще программа получилась в одном ряду вместе с твоими предыдущими программами. Она, как мне кажется, чем-то похожа на программу «Кто убил Санина»...

Гаврила Спиридонович явно льстил мне. А если нет, то тогда и правда у меня с этой программой, посвященной конкурсу «Кулинар 2013», выросшей в целое расследование убийства двух шеф-поваров, получилось неплохо. И я тем самым заслужил премию.

Я поблагодарил шефа и пошел к доске объявлений, где время от времени появлялась разного рода информация, в том числе и приказы администрации телекомпании. И правда, приказ № 38, выделенный жирным шрифтом, за подписью шефа гласил, что мне, Аристарху Африкановичу Русакову, ведущему программ и телерепортеру (так и было написано: «телерепортеру»), за цикл передач под названием «Кому достанется «Добрыня» объявляется благодарность и присуждается премия в размере 10 тысяч рублей. Не очень большие деньги, но приятно...

Я потопал в бухгалтерию, расписался в ведомости и получил две новенькие пятитысячные купюры. Что ж, будет на что прикупить вкусенького на ужин с Ириной.

Наверное, мысль и правда штука материальная. Я уже не раз убеждался в этом и давал себе зарок быть поосторожнее с мыслями. Ведь стоит только подумать о чем-то неприятном, и это непременно произойдет. Впрочем, если неприятность может случиться, то она случится обязательно. Проверено. Закон жизни, точнее подлости, мать его...

Зато нередко случается и так, что сбываются желания и даже мечты. Почему? Да потому, что мы думаем об этом и хотим, чтобы они сбылись. Тем самым как бы подталкивая ожидаемое событие к свершению. В общем, как только я подумал об Ирине, так сразу зазвонил сотовый. Я почти не сомневался, что это звонит она. И не ошибся...

– Привет, – услышал я в трубке ее звонкий голос.

– Привет, – ответил я. – Только что о тебе подумал, и вот не прошло и полминуты, как ты зво...

– У меня к тебе есть дело, – не дала мне договорить Ирина. – Очень-очень важное.

– Ты знаешь, я на работе, – рассеянно отозвался я.

– Я сейчас приеду, – сказала Ирина и дала «отбой».

* * *

Ирина приехала минут через сорок. Для Москвы это совсем ничего. И такое уже не в первый и не во второй раз. Ирина имеет какую-то непостижимую возможность преодолевать расстояния почти мгновенно. По крайней мере, намного быстрее, чем такие же расстояния преодолеваются другими людьми. Такое ощущение, что она не ходит и ездит, а летает. И мне только остается подозревать, что свои полеты она осуществляет на метле...

– Привет, – снова сказала девушка, входя в мой кабинет. «Мой кабинет» – это, конечно, слишком громкое заявление, поскольку, кроме меня, в нем помещаются, разумеется, когда собираются все вместе, еще четыре сотрудника телекомпании. Но на данный момент я был в кабинете полноправный хозяин.

– Привет, – ответил я. – Что-то случилось?

– Не знаю даже, как и сказать, – затрудняясь с ходу ответить на вопрос, проговорила Ирина. – Наверное, все же случилось...

– Тогда присаживайся и рассказывай, – предложил я, устраиваясь удобнее в кресле.

Ирина присела. Ее взгляд, который я поймал, выражал то ли бесшабашную удачу, то ли удивление от непонимания происходящего. У меня даже мурашки побежали по спине от дурного предчувствия. Точнее, целый табун палеозойских тараканов, каждый из которых, по заверению палеонтологов, был величиной с огромную крысу. Сейчас она выпалит:

«Прости, но нам надо расстаться. Давай останемся друзьями».

«Зачем?» – не сразу пойму я напряженную тревожность, а возможно, и судьбоносность момента.

«Зачем друзьями?»

«Зачем расстаться?»

«Я полюбила другого», – произнесет она, потупив красивые глазенки в пол.

«А как же я?» – спрошу я растерянно и убито, и у меня будет такое жуткое состояние, словно вдруг умер кто-то из родных и очень близких. И на душе будет невероятная тоска.

«Я не знаю, – ответит Ирина, не решаясь поднять головы. – Так получилось».

Так могло бы произойти, но вышло иначе. Ирина сказала:

– Я пришла к тебе... Ну, в общем, у меня есть отец...

Мурашки на моей спине пропали.

Я едва сдержал вздох облегчения. Ирина пришла ко мне совсем не для того, чтобы вычеркнуть меня из своей жизни, сохранив при этом душевный комфорт. Она пришла объявить мне, что у нее имеется отец. Новость не ахти, конечно, какая... Отцы есть у всех девушек, независимо от того, знают они их или нет, но про своего отца Ирина мне ничего не рассказывала, а я как-то не удосужился спросить. И вот – завела... Ох, неспроста!

– Да ты что?! – изобразил я на своем лице нешуточное удивление, подстраиваясь под момент. – Постой-ка! Ты ведь у нас Альбертовна, так? – продолжил я с энтузиазмом. – Значит,

твоего отца звали Альберт! – сказал я так, словно совершил выдающееся открытие в духе прозрения великого Менделеева. Теперь на меня посыпятся премии, медали... Что там еще? Ах да, зазвучат аплодисменты.

– Ну, почему же звали? – Ирина как-то мрачно посмотрела на меня, явно скрывая недовольство моими наблюдениями. – Альберт Андреевич Пиктиримов... Он есть, он жив, и его так зовут...

Альберт Андреевич Пиктиримов... В этом имени мне почудилось что-то очень знакомое. Где-то мне уже приходилось слышать подобное сочетание имени и фамилии.

– Чего ты вдруг насторожился? Знакомое имя, да? – с легкой усмешкой посмотрела на меня Ирина.

– Да, имя мне знакомое, – подтвердил я. – Только вот не знаю, откуда оно мне знакомо... Где-то в памяти выплыло.

– Так часто бывает, – чуть иронично заметила Ирина. – Выдающихся актеров мы всегда знаем, причем можем назвать хоть сотню... Ну, несколько десятков мы точно можем назвать не задумываясь, навскидку. А вот тех, кто их сделал выдающимися, мы знаем едва-едва. Сколько, к примеру, ты можешь назвать известных тебе режиссеров?

– Российских? – по-деловому спросил я.

– Конечно, российских, а каких еще, – ответила Ирина.

– Зарубежные еще имеются, – сказал я.

– Нет, зарубежных не надо, – буркнула Ирина.

– Хорошо, как скажешь... Ну что же, пару десятков режиссеров я тебе все-таки назову, причем навскидку, – самоуверенно заявил я.

– Попробуй, – произнесла Ирина с улыбкой.

– Запросто, – сказал я и начал перечислять: – Никита Михалков, Андрей Михалков-Кончаловский, Федор Бондарчук, Борис Казаков, Леонид Гайдай, Кира Муратова, Сергей Герасимов, Григорий Александров... Ну, тот, который снял «Веселых ребят» с Леонидом Утесовым и Любовью Орловой и «Волгу-Волгу»... – тут у меня неожиданно случилась пауза.

– Все? – с усмешкой спросила Ирина.

– Нет, конечно, – ответил я и, лихорадочно соображая, назвал еще Станислава Говорухина, Георгия Данелия, Алексея Балабанова, Павла Лунгина, Владимира Бортко и Алова с Наумовым. – А еще братья Васильевы, которые «Чапаева» сняли, – торжествующе добавил я, – и эта, как ее, эпатажная такая, с наколками, Гай Германика!..

– Все? – спросила Ирина.

– Дай подумать, – замялся я.

– Подумать – уже не навскидку будет, – сказала Ирина.

– Да, ты права... – произнес я.

– Ну, и скольких режиссеров ты назвал? – сказала Ирина и стала считать... – семнадцать человек, а вовсе не «пару десятков».

– Не семнадцать, а восемнадцать, – подсчитав в уме названных мной режиссеров, отвечал я. – Братья Васильевы – это два человека...

– Все равно не двадцать, – фыркнула Ирина.

– Не двадцать, – согласился я. – Даже если я еще назову и Альберта Пиктиримова, снявшего фильм «Патология» с Сергеем Безруковым в главной роли.

– Вспомнил, значит, – констатировала Ирина.

– Вспомнил, – ответил я. – Значит, режиссер Альберт Пиктиримов – твой отец?

– Да, – ответила Ирина. – Мама с ним разошлась, когда отец стал сильно пить.

– А что так? – поинтересовался я.

– Что значит «что так»? – вопросительно посмотрела на меня Ирина. – Почему мама разошлась, или почему отец запил?

– И то, и другое, – пояснил я.

– А ты пробовал годами жить с мужчиной, который пьет? – спросила Ирина.

– Нет, не пробовал, – ответил я. – Я даже не пробовал жить с женщиной, которая пьет... Хотя знаю, каково это, находиться в компании с пьяным, когда сам трезв как стеклышко.

– Это кошмар полный, – промолвила девушка. – Каждый день приставания, разговоры про его «неоцененную гениальность» и неостребованность, про многочисленные интриги коллег, жалобы на жизнь, скандалы с истерикой и битьем посуды. Представляешь, был период, когда у нас в доме не было ни одной чашки (все разбил!), и мы пили кофе и чай из граненых стаканов, которые, оказывается, не так-то легко разбить, и алюминиевых помятых кружек... Мама терпела два года, а в две тысячи восьмом подала на развод.

– Здесь все ясно, – сказал я. – А почему он запил? Ведь не сразу же все началось. Была какая-то причина.

– Работы не было, – ответила Ирина, пожав плечиком. – «Патологию» отец снял в две тысячи пятом, и с тех пор ни одного фильма. Вот отец и запил, как нередко бывает с творческими людьми, когда они без работы или «в душевных метаниях». – Последнее слово она произнесла с явной издевкой, что мне довольно сильно резануло слух. Да, Ирина не будет метаться в поисках самой себя и задаваться вопросом «быть или не быть?». Для нее это вопрос решенный: быть! Причем следует быть как можно заметнее и как можно успешнее во всех аспектах этого понятия...

– Случается, – произнес я, стараясь скрыть иронию. – Ну и что, ты пришла сообщить мне, что у тебя есть родной отец, с которым твоя мать в разводе, что он безработный и сильно пьющий режиссер и что ты хочешь познакомить меня с ним как с будущим тестем? Я так понимаю?

Ирина, мельком взглянув на меня, отвела взгляд и ответила:

– Не совсем.

– Что значит «не совсем»? – задал я вполне резонный вопрос. – Ты будешь меня знакомить с ним не как с будущим тестем? А тогда как?

– Никак, – отрезала Ирина. – Я хочу познакомить тебя с ним как с человеком, которого подозревают в намеренном убийстве...

– Ничего себе! – сказал я и внимательно посмотрел на Ирину. – Его что, и правда подозревают в убийстве?

– Увы, – ответила Ирина. – И со дня на день могут арестовать. Потому что больше подозревать некого.

– А зачем ты хочешь меня с ним познакомить? – пытливо посмотрел я на свою подругу. – Чтобы я ему передачи в камеру носил?

– Чтобы ты ему помог, – ответила она. – Ведь он никого не убивал.

– Точно? – спросил я, посмотрев куда-то поверх головы Ирины.

– Абсолютно, – сказала она, пытаясь поймать мой взгляд.

– Ну, конечно, как же иначе... То есть ты предлагаешь мне расследовать это дело? – спросил я, будучи уже уверен, что именно этого она от меня и хочет.

– Да, – ответила Ирина. – У тебя ведь серьезные связи в Следственном комитете, да и сам ты сыщик хоть куда. Я-то ведь это знаю, как никто...

– Я тебя понял, – вздохнул я. – И конечно, отказать тебе не могу.

– Спасибо, – тихо произнесла Ирина.

– За что «спасибо»? – удивился я. – Разве между нами могло быть как-то иначе?

– Не могло, – промолвила Ирина, серьезно посмотрев на меня, и спросила: – Ты что-нибудь слышал об убийстве продюсера Марка Лисянского? – спросила она.

– Та-ак, краем уха, особенно не вникал, – отвечал я. – Занят был по уши на конкурсе «Кулинар года», сама знаешь. Не до прессы было.

– Знаю, – сказала Ирина. – А еще знаю, что это именно ты придумал, как изобличить убийцу.

– Ну... – я немного замялся, – в общем... да, – произнес я не очень скромно. Девушка знала, как умаслить творческого человека, особенно если он честолюбив. Приятно, когда хвалят. Заслуженно, прошу заметить...

– Так вот, мой отец и Лисянский были хорошими друзьями, – продолжила Ирина. – Настоящими друзьями, и не только на словах, но и на деле. Марк Лисянский, как мог, поддерживал отца, когда тот ушел в запой, старался вытащить из этого болота, подкидывал время от времени кое-какую работу. А с нового года отец бросил пить, потому что появилась перспектива: Лисянский сказал ему, что у него есть новый проект – фильм про женщину, у которой сначала все было хорошо, а потом все сделалось невыносимо плохо. Ее даже в тюрьму сажают, где она выживает, приобретает новые качества характера, становится жесткой и, когда выходит из тюрьмы, мстит врагам, восстанавливает справедливость и добывается реабилитации своего честного имени. После чего у нее все снова становится хорошо, чего она и заслуживает. Ну, такая мелодрама с криминальным уклоном и хеппи-эндом в конце.

– Сейчас это модно.

– Знаю. Снимать фильм должен был мой отец, что для него было бы новым рождением. Как человека, так и режиссера. Более того, уже начались съемки. Они и сейчас продолжаются, но могут прекратиться, если отца арестуют.

– Ну, пока арестовывать его не за что, – сдержанно заметил я. – Подозрение еще не есть обвинение.

– Когда его арестуют и предъявят обвинение, будет уже поздно, – заметила Ирина. – А потом, это все же мой отец... – Она немного помолчала. – Поможешь?

– Я уже сказал, что да, – ответил я.

После чего последовали затяжные объятия и очень-очень сладкий поцелуй в губы. Такой сладкий, что у меня поплыло в глазах, помутилось в голове, и я едва не забылся, что мы не у меня дома, а в кабинете корреспондентов телекомпании «Авокадо».

– А теперь рассказывай, что ты знаешь по этому делу, – сказал я, когда наши уста разъединились. – Рассказывай все, не упуская никаких мелочей.

Ирина сказала «ага» и принялась энергично рассказывать. Оказалось, что после развода матери с отцом Ирина с отцом «развелась», в общем-то, не окончательно. То есть они виделись, подолгу общались, когда Пиктиримов бывал трезвым, куда-то вместе ходили. Нечасто, конечно, но такое, как выяснилось, бывало. И мать Ирины, похоже, об этом ничего не знала. Так что связи с отцом дочь не потеряла и была более-менее в курсе его непутевой жизни, которая с весны этого года стала вдруг налаживаться, поскольку Альберт Андреевич получил возможность, предоставленную его другом продюсером Марком Лисянским, снять фильм. Правда, у Лисянского было одно условие: Пиктиримов должен, нет, просто обязан был пригласить на главную роль Наталью Валерьевну Аленину. Ту самую Аленину, что сыграла Настьку в культовом фильме Семена Кучеренко «Проселок» и проститутку Аню в нашумевшем фильме-драме Юрия Холодова «Точка». Кстати, Аленина получила на международном кинофестивале в Чикаго премию «Сильвер Хьюго» за лучшую женскую роль именно за роль в фильме «Точка».

Во второй половине девяностых Наталья Аленина вообще была звездой российского экрана: совсем еще молодая, недавняя выпускница «Щуки», она усиленно снималась в различных фильмах и многих сериалах, причем нередко в главных ролях. А потом родила дочь Машу и куда-то пропала. Ходили слухи, что она вышла замуж то ли за шведа, то ли за датча-

нина с большим кошельком и эмигрировала с ребенком соответственно то ли в Швецию, то ли в Данию. Впрочем, говорили всякое, причем самое противоречивое, а правда – она одна. И какая это была правда – пес ее знает! Так или иначе, но Аленина в две тысячи двенадцатом году вернулась в Россию, где ее, как выяснилось, напрочь забыли, что обычно и случается с актерами, долго не появляющимися на экране.

Вернулась она с повзрослевшей дочерью Машей, которой было уже шестнадцать лет. С год Аленина помыкалась по разным кинокомпаниям и студиям, снялась в каком-то рекламном ролике и единственном эпизоде в одном из бесконечных сериалов, на чем дело и закончилось. Эффектного возвращения (на что она так рассчитывала, да и вообще возвращения, как такового) в любимую профессию не получилось. А этой зимой Наталья Валерьевна Аленина сдружилась с продюсером Марком Лисянским, причем он ушел от своей молодой гражданской жены к ней, что в нынешнее время случается нечасто; чаще происходит все-таки наоборот: мужчины уходят из семьи к более молоденьким женщинам. Вот, стало быть, что послужило объяснением причины неперемного условия Марка Лисянского, выставленного Альберту Пиктириму, чтобы он непременно снимал в главной роли Наталью Аленину. Сценарий, говорят, был очень содержательный и умный, хотя на подобную тему в разных ее интерпретациях вышла уже парочка довольно успешных фильмов. Вернее, сериалов.

Альберт Андреевич нетерпеливо бил копытом и готовился выдать в свет шедевр, о котором заговорила бы вся Москва и, чем черт не шутит, возможно, даже фестивальная избалованная эпохальными картинами Европа, что было бы его триумфальным возвращением в мир большого кино. Таким же триумфальным стало бы и возвращение на экраны страны актрисы Натальи Валерьевны Алениной...

– А сколько денег вложил в фильм Лисянский? – невинно спросил я свою очаровательную рассказчицу.

– Девяносто миллионов, – ответила не моргнув глазом Ирина.

– Он уже их вложил? – спросил я, едва не икнув.

– Да, ведь съемки фильма начались, – ответила Ирина.

– А девяносто миллионов – это для фильма много или мало? – поинтересовался я.

– Это средне, – немного подумав, ответила Ирина.

– Хорошо, продолжай, я весь внимание, – сказал я.

Ирина снова сказала свое очаровательное «ага» и продолжила...

После майских праздников Пиктиримов приступил к съемкам картины. Оператором-постановщиком Альберт Андреевич взял Михаила Кичманюка – одного из лучших на данный момент в России операторов. Роли второго плана согласились сыграть Кирилл Плетнев, Александр Самойленко, Вячеслав Разбегаев, Анна Тараторкина и Маша Аленина. Маша должна была сыграть небольшую роль дочери-подростка главной героини. Словом, учитывая наличие толкового сценария, отличного оператора и замечательных актеров, фильм и правда должен был получиться успешным.

Шесть дней назад, утром, когда мы со следователем по особо важным делам Владимиром Коробовым только собирались ехать в Рузу, дабы сдвинуть с мертвой точки забуксовавшее было расследование «Кулинарного дела», на задворках модного ресторана «Ерема», славившегося русской кухней и еще тем, что чуть более недели назад был отравлен ядом рицином его шеф-повар Владимир Голубев, принимающий участие в этом злосчастном конкурсе «Повар 2013», было найдено тело Марка Лисянского. Мертвый продюсер лежал, точнее, полусидел меж двумя мусорными баками, вытянув вперед ноги и склонив голову набок. Вся его грудь была залита загустевшей кровью.

Обнаружила тело Марка Лисянского некая старушка по имени Милица Степановна Заслонова, бывшая прессовщица машиностроительного завода «Красная Пресня», которая зашла поутру позавтракать ресторанными обедками из баков, поскольку ее пенсии едва

хватало на оплату квартиры и коммунальных услуг. По ее показаниям (а про них было каким-то образом известно Альберту Андреевичу, и он рассказал о них Ирине), она-де всегда приходила завтракать к ресторану «Ерема», поскольку «там очень вкусно готовят». Вот и в тот раз раненько утречком, пока до баков не добрались местные бомжи, она отправилась лакомиться ресторанными объедками. Подошла к бакам, глядь – меж баков человек сидит смирененько, ноги вытянул, голову набок свесил. Милица Степановна вначале подумала, что это пьяный отсыпается, и стала собирать из бака разные сдобы. А когда, найдя едва надкусанный расстегай с семгой и принявшись жевать его беззубым ртом, она перешла к другому баку, тут-то и увидела, что у «пьяного» белая рубашка и пиджак в крови.

Старушка робко подошла к телу и легонько ткнула его носком ботика. Тело никак не отреагировало. Тогда Милица Степановна наклонилась, заглянула в лицо «пьяного» и отскочила для своего возраста весьма прытко. А случилось это потому, что она увидела бледное лицо, налившиеся синевой губы и открытые, немного удивленные глаза мертвеца. Что это труп, у старушки уже не осталось сомнений, и она, поспешно доев расстегай, отправилась в ближайший пункт полиции, дабы сообщить о столь страшной находке.

Прибыла полиция, старушку по всем правилам допросили, потом составили акт обнаружения тела, а врач-эксперт констатировал насильственную смерть от трех огнестрельных ранений, одно из которых было несовместимо с жизнью. Стреляли, по результатам первоначального осмотра, из пистолета Макарова между одиннадцатью вечера и двумя часами ночи.

Завели уголовное дело, отмечающее убийство с целью грабежа и классифицированное как бытовое, поскольку во внутреннем кармане пиджака Лисянского была обнаружена крупная наличность: шесть тысяч евро и пятьдесят пять тысяч рублей пяти тысячными купюрами. Кроме того, на руке продюсера продолжали тикать швейцарские часы марки «Маурис Лакруа» с черным ремешком из крокодиловой кожи. Такие часы стоили около полумиллиона рублей. Чуть позже выяснилось, что прошлым вечером в ресторане «Ерема» продюсер Марк Лисянский был не один а... с режиссером Альбертом Пиктиримовым. Они пришли в ресторан в одиннадцатом часу вечера, ужинали в нем, долго о чем-то беседовали и покинули заведение в половине первого ночи. Сократилось и время убийства Лисянского, которое произошло между половиной первого и двумя часами ночи.

– А как узнали, что Лисянский и Пиктиримов ужинали в ночь убийства продюсера вместе? Кто это сказал? – спросил я Ирину, как только выдалась в ее рассказе крохотная пауза.

– Это сказал отец, – ответила Ирина, – когда следователь пришел к нему на съемочную площадку для дознания.

– Значит, твоего отца уже допрашивали, – скорее констатировал, нежели спросил я.

– Да... дважды, – признала Ирина.

– Почему дважды? – спросил я. – Сменились следователи?

– Нет, – получил я ответ.

– А что тогда? – посмотрел я на Ирину.

– Когда отца допрашивали первый раз, то он сказал, что они с Лисянским прекрасно провели время в ресторане, много говорили о фильме, о начавшихся съемках и сценарии. А потом, – Ирина запнулась, – отец сказал следователю, что ушел, потому что ему нужно было рано вставать на съемки. Еще его спрашивали, почему продюсер Лисянский выбрал его режиссером на свой фильм, на что отец ответил, что они друзья и еще что Лисянский хорошо знал потенциал отца и доверял его чутью и таланту. На вопрос, ладил ли он с Марком Лисянским, отец ответил, что дай бог всем так ладить, как ладили они...

– Но это оказалось неправдой, – догадался я. – Поэтому и состоялся второй допрос. После чего твой отец и попал под подозрение в совершении убийства как человек, уже один

раз солгавший и пытающийся увести следствие на ложный путь, так? – посмотрел я на Ирину.

– В общем, так, – подтвердила она мою догадку. – Следователь опросил официанта, обслуживающего их столик, и тот уверял, что отец и Лисянский очень сильно ругались, а швейцар на входе дал показания, будто бы отец не покидал ресторан один, раньше Лисянского, и что вышли он и Лисянский вместе. После чего, по словам отца, они разошлись в разные стороны, но следователь ему уже не поверил. И взял у него подписку о невыезде.

– А следак спрашивал твоего отца, не поджидал ли кто Пиктиримова у ресторана? – задал я вопрос.

– Спрашивал, – кивнула Ирина.

– И что? – посмотрел я на нее.

– Отец ответил, что он не заметил, чтоб Лисянского кто-нибудь поджидал, поскольку, повздоров, они тотчас разошлись, даже не попрощавшись, – ответила Ирина.

– А какова была причина их ссоры? – спросил я. – Твоего отца об этом спрашивали?

– Конечно, – ответила Ирина. – Лисянский хотел изменить сценарий, а отец был против этого. Съемки уже начались, актеры подобраны, о каком изменении сценария могла идти речь?

– А что, разве так не бывает, что сценарий меняется прямо по ходу съемок? – удивился я. – По-моему, такое случается сплошь и рядом. Порой, когда я смотрю фильм, мне кажется, что режиссеры вообще создают их без сценария.

– Сценарий был, причем очень сильный, – сказала Ирина, немного подумав. – Просто отличный сценарий! Так говорил отец. Изменить его означало, по его мнению, сделать только хуже.

– Ясно, – констатировал я. Потом немного помолчал и сказал, точнее, просто высказал мысль вслух: – Выходит, режиссер Пиктиримов был последним, кто видел продюсера Лисянского живым...

– Выходит, он, – была вынуждена согласиться Ирина. – Но это... не так. Ведь последним Лисянского видел именно тот человек, который его и убил. А отец не убивал.

– Скажи, а у отца был пистолет? – спросил я.

– Следователь тоже задавал ему такой вопрос, – холодно посмотрела на меня Ирина. – Так вот: не было у отца никакого пистолета. Он боялся любого оружия, даже простых перочинных ножей, и никогда не носил их с собой. Наверное, когда он впал в отчаяние и запил, боялся, что может покончить с собой. То есть придет вдруг такая мысль в пьяную голову, а тут под рукой пистолет. Ну и нажать на спусковой крючок труда не составит.

– Ясно, – посмотрел я на Ирину. – А у продюсера Марка Лисянского был пистолет? – так, на всякий случай спросил я.

– Я не знаю, – сказала Ирина.

Я немного подумал, отметив для себя, что стоит узнать, имелся ли у Марка Лисянского пистолет, а потом сказал:

– Ну, в общем-то, твоему отцу особо ничего не угрожает. Ведь прямых улик против него нет, а есть улики только косвенные. То, что он поругался с Лисянским и вышли они из ресторана вместе, еще ни о чем не говорит. Плохо, конечно, что отец поначалу давал... неправдивые показания и тем самым навлек на себя некоторые подозрения следователя. Но это лишь подозрения, и не более того, ведь они ничем не подкреплены, – у меня получалось говорить бодро и даже убедительно, но на Ирину, как я видел, это не производило никакого впечатления. – Любой пронырливый адвокат на суде камня на камне не оставит от обвинений твоего отца в убийстве Марка Лисянского.

– О каком суде ты говоришь?! – Лицо Ирины даже потемнело, словно угодило в тень грозовой тучи. – Да и откуда ты можешь знать, что там у этих судей в головах?

– Уверяю тебя, любой толковый адвокат... – начал было я, но Ирина не дала мне договорить:

– Никакого суда не должно быть! Отец не убивал, и его не за что судить. – Она опять окатила меня холодным взглядом и добавила: – Сколько времени может пройти до суда? Месяц, два, полгода?

– И полгода может быть, – неохотно согласился я.

– Ну вот, – быстро сказала. Ирина. – Если никого больше не найдут, я имею в виду настоящего убийцу, то подписку о невыезде аннулируют, и отца арестуют. И он до суда будет сидеть в следственном изоляторе с настоящими преступниками. Месяц, два, а может, и полгода. Так ведь?

– Но ведь...

Она снова не дала мне договорить:

– Дело даже не в суде, на котором его, может быть, оправдают. Или его отпустят из зала суда за недоказанность и отсутствием улик. И не в пятне, что останется в биографии моего отца на всю жизнь. Дело в другом, – тут она посмотрела на меня так, что я невольно поежился, как если бы опасался услышать нечто страшное, – что ни о каком возвращении отца в мир кино уже не может быть и речи. И все пойдет по-старому: затяжные пьянки, горькое отчаяние и в конечном итоге – смерть раньше срока. И кончит он так же нелепо и страшно, как закончил актер Игорь Санин. Или, что еще хуже, где-нибудь под забором, где его забьют до смерти обкуренные подростки...

Ирина неожиданно замолчала и закрыла лицо руками. Вот уж никак не думал, что она так любит отца и переживает за него, видясь с ним всего-то три-четыре раза в год, а то и того меньше. А может, это я не прав, думая про Ирину, что она такая твердокаменная и не способна на сочувствие и сопереживание? А на самом деле Ирина обычная простая девчонка, жалостливая и принимающая все близко к сердцу, какими и должны быть русские женщины. Просто она это умело прячет, не хочет выставлять напоказ. Вот и передо мной она открылась такой впервые... Весьма неожиданная сторона ее характера!

Мне почему-то захотелось погладить ее по голове. Как котенка: маленького, доверчивого и абсолютно беззащитного. И я погладил Ирину по голове. Этот простой жест, безобидный и, наверное, слишком обыкновенный для изъяснения чувств, был воспринят ею неожиданно благодарно. Она подняла на меня повлажневшие глаза и улыбнулась.

– Все будет хорошо, – сказал я, не найдя ничего более убедительного.

– Да? – доверчиво спросила она.

– Конечно, – ответил я.

Глава 2. Первый допрос, или Почему продюсер Лисянский передумал

Режиссера Альберта Андреевича Пиктиримова – а с ним я решил поговорить первым (пока не отменили подписку о невыезде и не посадили в следственный изолятор) – мы нашли на съемочной площадке. Ирина, конечно, была рядом со мной. Ей не терпелось как можно быстрее заняться *выручкой* отца, а кроме того, в ее обществе было легче проникнуть на съемочную площадку: как-никак она – дочь режиссера!

Потоптавшись, я стал внимательно наблюдать за съемочным процессом.

Ах, как же хороша Аленина! Наталья Валерьевна была из категории тех женщин, которые с возрастом приобретают некую магию притяжения, против которой мужчины просто не могут устоять. Не устоял, видимо, супротив ее чар и покойный Марк Лисянский, оставив ради Алениной молодую гражданскую жену, с которой прожил неполных два года.

Эпизод, который снимался прямо на улице, рассказывал о встрече главной героини, недавно вышедшей из тюрьмы, со своим бывшим мужем, которого играл Александр Самойленко. По сценарию именно благодаря его «стараниям» потеряла свой бизнес и угодила за решетку героиня Наташи Алениной. Она, по ходу сюжета, пока еще не знает об этом, но уже кое о чем догадывается...

– Камера. Мотор, – услышал я бодрый командный голос и посмотрел в сторону говорящего. Обладателем зычного голоса оказался худощавый человек сорока с небольшим лет в какой-то кургузой затертой курточке без рукавов и серой кепке, надвинутой на самые брови. Из-под козырька торчал большой нос, и он вместе с кургузой курточкой и длинной шеей невольно напомнил мне образ Буратино. Правда, вместо «Азбуки» под мышкой у *нашего* Буратино была кожаная коричневая папка. Наверное, там лежал сценарий фильма. А в другой руке он держал мегафон. Это и был режиссер Альберт Андреевич Пиктиримов.

После команды режиссера на улице появилась Аленина. Актриса была в простеньком цветастом платице, делающем ее молодой и близкой зрителю. Героиня Алениной посмотрела на вывеску продуктового магазина на противоположной стороне улицы, нервно сглотнула слюну (очевидно, она была сильно голодна) и сунула руку в кармашек платья. Достав несколько смятых бумажек и быстро пересчитав их, она хотела было перейти улицу, но в это самое время из магазина вышел с полным пакетом покупок герой, которого играл Самойленко. Он постоял немного возле входа, потом неторопливо закурил, очевидно, кого-то поджидая.

Аленина остановилась, глядя во все глаза на героя Самойленко. Вот она сделала шаг, еще один, столь же нерешительный...

– Стоп! – вдруг сказал в «матюгальник» Пиктиримов. – Наташа, подойди, пожалуйста. Аленина подошла к Альберту Андреевичу.

– Наташа... Ты несколько часов назад приехала в родной город. У тебя ничего нет, кроме нескольких десятков рублей, это надо понимать... – начал ей говорить Пиктиримов.

– Мне это знакомо, – неожиданно возразила актриса.

Режиссер лишь сдержанно кивнул:

– Ты голодна, хочешь зайти в магазин и купить булку и тут ты видишь своего бывшего мужа. Радость! Вот то, что поначалу должно отразиться в твоих глазах. Но всего лишь на секунду – нет, на долю секунды! Это должна быть вспышка. Если бы ты была прежней, ты бы тотчас бросилась к нему, кинулась на грудь вся в слезах. Но ты была в таком месте, которое научило тебя притуплять эмоции и контролировать их. Потому что за ними могут быть последствия. Ты научилась доверять людям и научилась в них сомневаться. Кроме

того, внутри тебя зреет мысль, что именно твой муж виноват в том плохом, что с тобой произошло за последнее время. И эта вспышка радости в глазах при виде мужа проходит, уступая место холодности и раздумью, смешанному с расчетом... Понимаешь меня?

– Кажется, понимаю, – охотно откликнулась Аленина.

– Тогда этот эпизод снимаем еще раз.

Аленина вернулась на свое место.

– Камера. Мотор, – сказал в «матюгальник» Пиктиримов.

Аленина вновь пошла по улице. Вот она замечает вывеску магазина, сглатывает слюну, подсчитывает деньги. И видит выходящего из магазина лощеного мужчину, своего бывшего мужа. Взгляд ее вспыхивает невольной радостью и надеждой, но мгновенно тухнет. Подавленное было вперед тело застывает, взгляд героини становится холодным и острым, и она проходит мимо магазина, краем глаза обратив внимание на вышедшую из магазина свою бывшую лучшую подругу, которую и поджидал герой актера Самойленко. Героиня Алениной понимает, что эти двое и есть истинные разрушители ее судьбы, но внешне это никак не проявляется, и только на миг, опять на миг, в ее взгляде зритель видит боль и отчаяние.

Героиня Алениной проходит мимо магазина, Самойленко с новой супругой садятся в дорогой автомобиль и уезжают. А Аленина идет спокойно, и хотя идти ей некуда, зрителю видно, что путь ею уже выбран. Это путь мести и восстановления справедливости...

– Стоп. Снято, – прозвучал голос Пиктиримова.

Этот эпизод был сыгран Алениной гениально. Все участники съемочного процесса это прекрасно осознавали, и тишина, которая несколько мгновений стояла на съемочной площадке, была этому свидетельством. А потом раздались неожиданные и громкие аплодисменты, как если бы действие происходило где-то на премьере столичного театра.

– Молодец, Наташа, – удовлетворенно констатировал Пиктиримов и жадно закурил.

– Идем, – непринужденно сказала мне Ирина, и мы подошли к Альберту Андреевичу. – Привет, – эти ее слова были уже обращены к отцу.

– Привет, – просто ответил Пиктиримов.

– Вот тот человек, о котором я тебе говорила, – Ирина кивнула в мою сторону. – Познакомься, Русаков Аристарх Африканович...

– Как? – удивленно вскинул голову Пиктиримов, – Аристарх, да еще Африканович?

– Именно так, – подтвердил я, – Африканыч. Поскольку моего отца звали Африкан.

– Занятно, – ответил Альберт Андреевич, весьма слабенко пожимая мою руку и разглядывая меня. – Никогда бы не подумал, что такое сочетание имени и отчества возможно. Значит, вы человек особенный. Таких людей видно даже по имени, а следовательно, вы были бы весьма полезны кинематографу. Да и фактура у вас подходящая... А вы, молодой человек, не хотели бы сняться у меня в эпизоде? – вдруг спросил он.

– Зачем? – Я удивленно посмотрел на Пиктиримова. – У вас не хватает актеров?

– Хватает, даже с избытком, – усмехнулся Альберт Андреевич и посмотрел на дочь: – А он у тебя... хорош. Самодостаточный господин. В наше время это уже редкость.

– Аристарх согласился тебе помочь, – нетерпеливо произнесла Ирина.

– А он может? – с сомнением спросил Пиктиримов, переведя на нее взгляд.

– Представь себе, – ответила она с некоторым вызовом. – И ты сейчас очень глупо себя ведешь, – добавила она с легким раздражением. – Это не ты снисходишь до разговора с Аристархом. Это он пошел тебе навстречу, согласившись помочь.

– Ну, хорошо, сдаюсь, – Альберт Андреевич как-то сразу сник, ореол значимости, что его окружал, мгновенно улетучился, и перед нами предстал просто худощавый человек в обыкновенной кепке, немного усталый, нервничающий, что он с невероятным трудом скрывал, и с большой опаской ожидающий неприятностей, которые вот-вот должны были обру-

шиться на его голову. Он медленно взял «матюгальник», медленно поднес его ко рту и весьма неуверенно сказал в него: – Перерыв сорок минут.

Мы прошли в походный режиссерский вагончик, довольно уютный, где человек творческий мог бы укрыться от посторонних глаз: выпить кофе, почитать сценарий, отдохнуть на коротком диванчике или провести индивидуальную беседу с актером, настраивая его на роль. Пиктиримов закрыл дверь, налил себе из термоса кофе, присел на диванчик, закурил, посидел так с минуту, отхлебывая кофе и сопровождая каждый его глоток глубокой затяжкой, после чего, очевидно, решившись, посмотрел на меня и твердо произнес:

– Я готов. Спрашивайте.

Я кивнул и задал первый интересующий меня вопрос:

– Альберт Андреевич, кто именно пригласил в ресторан «Ерема»: вы Лисянского или он вас?

– Эта была моя идея, – спокойно ответил Пиктиримов и добавил: – Вернее, я пригласил Марка Лисянского поговорить, а ресторан он выбрал сам.

– То есть инициатором разговора были вы? – задал я уточняющий вопрос.

– Получается так, – ответил режиссер.

– О чем вы хотели поговорить с Лисянским? – спросил я.

Пиктиримов ответил не сразу:

– Мы хотели поговорить о главной роли... Вернее, об актрисе, выбранной на главную роль.

– Вы имеете в виду Аленину?

– Именно.

– А что, вам не нравилось, как она играет, и вы хотели предложить другую актрису на главную роль в фильме? – спросил я.

– Не так, – Альберт Андреевич тяжело вздохнул и произнес: – Все обстоит как раз наоборот, это Марк хотел предложить новую актрису вместо Наташи.

Я в упор посмотрел на режиссера:

– Странно... Но ведь главным условием съемок фильма, предложенного вам Лисянским, было именно то, что вы снимаете Аленину в главной роли, разве не так? – удивился я.

– Все так, – ответил Пиктиримов. – Но буквально за день до нашей встречи в ресторане он позвонил мне и сказал, что требует заменить Аленину любой другой актрисой на мое усмотрение. Он заявил мне это таким тоном, что сомневаться в его твердых намерениях не приходилось. – Альберт Андреевич опять тяжело вздохнул. – К тому же я хорошо знаю Марка, то есть... знал, и если уж он что-то вбил себе в голову, то переубедить его практически невозможно. Но я все же решил попробовать, конечно, не по телефону, и предложил ему встретиться и поговорить. Понимаете, все было очень серьезно, – Альберт Андреевич посмотрел на меня, – смена актрисы влечет за собой изменение всего процесса съемок. Все надлежало начинать заново. В результате чего получится уже совершенно другой фильм, отличный от задуманного. Меня это не устраивало. К тому же литературный сценарий будто бы нарочно был написан под Наташу Аленину...

– И что, пришлось бы еще переделывать и сценарий? – поинтересовался я.

– Вне всякого сомнения. Понимаете, – снова произнес Альберт Андреевич и отхлебнул уже остывший кофе, – помимо литературного сценария существует еще и режиссерский сценарий. По крайней мере, я его всегда пишу. В отличие от литературного мой режиссерский сценарий был уже специально написан для Алениной и под нее. И смена главной героини повлекла бы переписку этого сценария, да что там переписку, – Пиктиримов глубоко затянулся сигаретой, – замена главной героини означала бы необходимость написания нового режиссерского сценария, уже под другую актрису. А лучше Алениной на эту роль я никого не видел и не вижу. Она ведь актриса выдающегося таланта. Яркая! Сильная! С непростой

биографией и характером. Каких совсем немного осталось. Такой фильм только ей под силу. К тому же мы нашли с ней полное взаимопонимание, настроились уже на одну волну. Если же поменять сценарий, да еще и актрису, – он немного помолчал, – то получится уже совершенно иной фильм. А я хотел снимать именно этот фильм и именно с Алениной. Вы понимаете меня?

– Да, – не сразу ответил я. – Получается, что если бы у вас в фильме в главной роли снималась, к примеру, Чулпан Хаматова, был бы один режиссерский сценарий. А если бы главную роль играла, скажем, Елизавета Боярская, то сценарий был бы совершенно другим.

– Совершенно верно! Вы правильно ухватили мысль. – Пиктиримов был, кажется, очень доволен, что я понял, о чем он мне перед этим говорил. – Режиссерские сценарии фильма, где эти женщины играли бы одни и те же главные роли, были бы во многом различными, поскольку Хаматова и Боярская тоже очень разные актрисы...

– А скажите, Альберт Андреевич, что заставило Лисянского так полярно поменять свое требование? – задал я режиссеру новый вопрос, – Сначала он хочет, чтобы Аленина снималась в главной роли. А потом вдруг меняет свое условие на совершенно противоположное и требует от вас, по вашим же собственным словам, «заменить Аленину любой другой актрисой на ваше усмотрение»? Чем была вызвана такая кардинальная перемена? Он вам об этом сказал?

– Увы, не посчитал нужным, – не сразу ответил Пиктиримов. – Я задал ему подобный вопрос одним из первых, как только мы встретились с ним в ресторане. Марк мне только буркнул что-то невразумительное, и все.

– А что он вам буркнул? – быстро спросил я.

– Не помню уже точно... – неопределенно промолвил режиссер.

– И все же надо вспомнить, Альберт Андреевич, – безапелляционно заявил я. – Это крайне важно.

Пиктиримов опустил голову и надолго задумался. Мы все трое молчали. Я и Ирина – чтобы не помешать ее отцу вспоминать. А Альберт Андреевич, очевидно, прокручивал весь разговор в ресторане, что было, впрочем, на пользу и ему как «допрашиваемому», и мне как ведущему допрос и расследование в целом...

Наконец режиссер поднял голову и уткнул в меня острый взгляд.

– Вспомнили? – спросил я с надеждой.

– Да, – охотно ответил Альберт Андреевич. – Когда я спросил Марка, почему сначала он настаивал, чтобы Аленина снималась в главной роли, а теперь требует ее заменить, он ответил, что передумал в связи с вновь открывшимися обстоятельствами.

– Передумал «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами»? – переспросил я. – Хм, прямо как в следственном протоколе.

– Да, именно так он и сказал, – подтвердил Пиктиримов.

– И что это за обстоятельства? – спросил я.

– Вот этого я не знаю.

– Может, он поссорился с Алениной? – предположила Ирина. – В смысле крепко поссорился.

Альберт Андреевич посмотрел на нее и развел руками:

– Не могу знать.

– Придется задать этот вопрос самой Алениной, – сказал я. – Гадать не стоит, все равно ничего не выгадаем. А скажите, Альберт Андреевич, – я всем корпусом повернулся к режиссеру, – ведь ваш разговор с Лисянским происходил на повышенных тонах? Вы явно ругались?

– Да, было такое... Когда Марк сказал, что своего решения не изменит, – ответил Пиктиримов. – А что мне оставалось делать? Я был весь на нервах. Сами понимаете, какой это был для меня сюрприз.

– И чем все закончилось? – спросил я.

– Мы разругались в пух и прах, – пожал плечами режиссер. – И ушли из ресторана, очень недовольные друг другом. Я даже не представлял, как нам вновь налаживать отношения.

– Когда вы уходили, вы точно видели, что Лисянского никто не поджидал? – задал я новый вопрос.

– Я и не смотрел в его сторону, – признался Альберт Андреевич. – Мы расплатились каждый сам за себя и ушли. Я даже не знаю, ждала ли его машина или он пошел пешком.

– А вы? – поинтересовался я.

– А я стал ловить мотор, – сказал режиссер.

Я немного помолчал, а потом, глядя мимо Пиктиримова, произнес:

– Альберт Андреевич, на допросе вас спрашивали, грозил ли Марк Лисянский вам тем, что заберет деньги из проекта?

Вопрос был, как говорится, на засыпку. Если сейчас режиссер ответит, что такого вопроса ему не задавали, то наверняка соврет, поскольку не задать такого вопроса после того, как стало известно, что Лисянский и Пиктиримов разругались в ресторане, следовательно не мог. Не мог он не задать такого вопроса еще и по причине того, что Альберт Андреевич становился главным подозреваемым. Если же Пиктиримов скажет, что Лисянский и не думал забирать обратно деньги и их разговор шел только относительно замены Алениной на другую актрису, то это тоже, скорее всего, будет неправдой, поскольку в случае несогласия Пиктиримова заменить Аленину другой актрисой единственным рычагом воздействия на режиссера будет угроза изъятия денег из проекта. Да-а, не хотел бы я сейчас оказаться на месте отца Ирки.

– Ну, это уже не так просто сделать, – после некоторой паузы уклончиво отреагировал Альберт Андреевич.

– Но все-таки возможно? – продолжал я настаивать на ответе.

Ирина тоже как-то напряглась, понимая, что сейчас наступил наиболее важный из всего нашего с ее отцом разговора момент.

– Ну да, такое возможно... – убито произнес Пиктиримов.

– И вам задавался такой вопрос?

– А почему я, собственно, должен вам все выкладывать? – вдруг взъерепенился Альберт Андреевич.

– Потому что он твой друг, – живо вмешалась в разговор Ирина. – И он хочет тебе помочь.

– Да не нужно мне ничьей помощи, – заявил Альберт Андреевич и зло посмотрел на меня. – Я сам во всем разберусь. Марка я не убивал, и на суде меня оправдают. Я даже не сомневаюсь в этом.

– Тогда я советую вам, Альберт Андреевич, нанять очень хорошего адвоката, – сказал я и сделал вид, что не собираюсь больше продолжать разговор. – Поначалу я тоже думал, что тюрьма вам не грозит. Теперь я начинаю в этом сомневаться...

– Отец, если тебя арестуют и предъявят обвинение в убийстве, никакого фильма уже не будет, – снова встряла в разговор Ирина. – Ты что, этого добиваешься?

– Мне, похоже, уже ничто не сможет помочь, – ответил Альберт Андреевич. – Возможно, это мой конец. Конец всему.

– Ты знаешь, – она сурово посмотрела ему прямо в глаза, – мать правильно сделала, что ушла от тебя.

– Это почему же? – Пиктиримов готов уже был впасть в отчаяние.

– Потому что ты сдаешься раньше времени, до того, как началась схватка, – выпалила она. – Потому что ты безвольный и слабый...

– Я не слабый, – попытался возразить Альберт Андреевич, но Ирина отмахнулась от него.

– Не слабые до последнего момента борются и сопротивляются обстоятельствам, – жестко произнесла она. – А не поднимают лапки уже тогда, когда еще можно сопротивляться.

Черт побери, как она была прекрасна в этом своем невольном негодовании! Правда, меня всегда немного настораживали в ней эта ее пресловутая твердость характера и упертость в достижении поставленной цели, но в данный момент она была абсолютно права. Понимал это и Пиктиримов.

– Хорошо, что ты от меня хочешь? – произнес Альберт Андреевич, глядя на дочь.

– Я хочу, чтобы ты помог сам себе, – просто ответила Ирина. – С нашей помощью.

Она посмотрела на меня. Вслед за ней обратил на меня свой взор и Пиктиримов.

– Ты ему веришь? – спросил Ирину режиссер.

– Конечно, – не раздумывая, ответила Ирина.

После этих слов у меня где-то в центре груди стало растекаться благодное тепло. И что-то похожее на гордость. За себя. Что я могу вызывать доверие у таких красивых девушек, каковой является Ирина. Вернее, у конкретной девушки, дочери режиссера по имени Ирина...

– Да, следовательно задавал мне такой вопрос, – выдавил из себя Альберт Андреевич.

– И что вы ему ответили? – быстро спросил я.

– Что вопрос об изъятии денег из проекта не стоял, – ответил Пиктиримов. – И разногласия у нас возникли лишь по поводу изменения сценария.

– А как было на самом деле? – посмотрел я в упор на режиссера.

Альберт Андреевич выдержал мой взгляд и перевел глаза на дочь. Ирина кивнула, и Пиктиримов, выдохнув, ответил:

– А на самом деле он сказал, что если я не заменю Аленину, то никакого фильма вообще не будет, поскольку он откажется его финансировать и заберет деньги из проекта. Все!

Наступило молчание. Ирина нахмурилась и старалась не смотреть на отца. Пиктиримов закурил и посмотрел на часы.

– До окончания перерыва осталось пять минут, – негромко произнес он. – Мне нужно быть на площадке.

– Мы успеем, – заверил я режиссера. – Сегодня вам еще много осталось снимать?

– Два ключевых эпизода, – ответил Альберт Андреевич.

– А потом вы поговорите с Алениной, чтобы она выделила для нас минут пятнадцать? – спросил я.

– Поговорю, – сказал Пиктиримов.

– Что ж, подведем итоги, – после небольшой паузы проговорил я. – Итак, вы пригласили для разговора вашего продюсера Лисянского, чтобы постараться убедить его не снимать Аленину с главной роли, потому как весь процесс съемок, режиссерский сценарий и вообще ваше видение фильма – все уже было выстроено под нее. Так?

– Именно, – коротко ответил Альберт Андреевич.

– Лисянский согласился поговорить с вами и выбрал для встречи ресторан «Ерема», – продолжил я. – Вечером вы встречаетесь, начинаете разговор, который вскоре приводит вас обоих к полному и взаимному непониманию. Вы не желаете снимать Аленину с главной роли, Лисянский не хочет, чтобы она в этой роли снималась. Причину изменения своего решения он не называет. Говорит только, что открылись некие таинственные обстоятельства, после чего он становится категорически против ее участия в фильме. К консенсусу вы не

приходите, и Лисянский грозитя выйти из проекта, забрав деньги. Положение явно угрожающее. И для вас, и для Натальи Алениной. Разругавшись, вы с Лисянским расстаетесь, даже не прощаясь, как непримиримые враги. Если кто-то не пойдет навстречу, то вашей дружбе придет конец. Конец придет и самому фильму. Но идти навстречу никто не хочет. Вы оба настроены очень категорично и не собираетесь менять своих решений. Но результат вашей встречи в ресторане «Ерема», Альберт Андреевич, явно не в вашу пользу: командует парадом все же продюсер Лисянский. День-два, и если вы не сообщите ему, что Аленина в фильме больше не играет, он закроет проект. И вдруг тем же вечером, точнее уже ночью, Марка Лисянского убивают тремя выстрелами в грудь. Причем смертельным было только одно ранение. Это значит, стрелял явно не профессионал. Причем его не ограбили, а посему стреляли в него не для того, чтобы испугать, а непременно чтобы убить. Кому была выгодна смерть Лисянского? Правильно, вам и Наталье Алениной. Ведь как только не стало Лисянского, исчезла необходимость убирать Аленину с главной роли, переписывать режиссерский сценарий и так далее. И денег из проекта уже никому не вынуть.

– Вот только все дело в том, что я не убивал Марка, – тихо произнес Пиктиримов. – У меня даже в мыслях не было ничего подобного.

– Да, Аристарх, отец не убивал, – снова вмешалась Ирина.

– Я понял, понял... Мой расчет отнюдь не строится на том, что это вы убили вашего продюсера, – примирительно произнес я, посмотрев на режиссера. – Значит, его убила Аленина. Больше никому его смерть невыгодна.

– А его бывшая жена? Ну, эта... – Ирина запнулась и посмотрела на Пиктиримова.

– Светлана Аркадьевна, – подсказал дочери Альберт Андреевич.

– Ну да, Светлана Аркадьевна, которую Лисянский бросил, уйдя к Алениной.

– А ей зачем его убивать? Какой мотив? – посмотрел я на Ирину. – Развод не повод, чтобы убить. Деньги, что ли?

– Мотивом не всегда служат деньги... – заметила Ирина. – Это может быть...

– Знаю, знаю: месть, ревность, любовь даже... – не дал я ей договорить. – А здесь тогда что?

– Мечь, – твердо проговорила Ирина. – Женщины, поверь, умеют мстить...

– Верю, – ответил я, встретившись со взглядом Ирины. – Значит, лиц, подозреваемых в убийстве продюсера Марка Лисянского, у нас трое. Это режиссер Пиктиримов, актриса Аленина и бывшая гражданская жена продюсера Лисянского Светлана Аркадьевна.

– Двое подозреваемых, – поправила меня Ирина.

– То есть? – не понял я.

– У нас с тобой двое подозреваемых: актриса Наталья Валерьевна Аленина и бывшая гражданская жена Лисянского Светлана Аркадьевна, – жестко произнесла Ирина. – Причем они могли убить и не сами, а нанять кого-нибудь за деньги.

– Ну да, двое, – согласился я (наверное, как-то не очень убедительно для отца и дочери), вспомнив, что у нас с Ириной имеется изначальная установка на то, что Альберт Андреевич к убийству своего продюсера не причастен никаким боком. – Так вы поговорите с Натальей Валерьевной, чтобы она согласилась ответить на наши вопросы? – напомнил я Пиктиримова.

– Поговорю, – буркнул Пиктиримов, недовольный, очевидно, тем, что я все-таки не исключаю его причастность к убийству Лисянского.

– А вы позволите подождать ее здесь, у вас? – попросил я.

– Да, конечно, – ответил Альберт Андреевич. – После съемок я ее к вам сюда и приведу.

– Это было бы здорово, – улыбнулся я. – Спасибо, Альберт Андреевич.

Когда режиссер вышел, Ирина недобро посмотрела на меня и сказала:

– Ты же не думаешь, что именно Пиктиримов убийца?

– Не думаю, – соврал я.

– Не ври, если не умеешь, – быстро раскусила меня Ирина. – Так вот, я заявляю тебе: отец не убивал. Поверь мне.

– Тебе верю, – сказал я.

– А ему? – спросила Ирина.

– А ему пока не очень, – сказал я сущую правду.

– Ну, если ты мне веришь, то должен верить и ему, – заключила Ирина. – Я его не выгораживаю. Просто знаю, что он не мог убить и никого не убивал.

– Нет? – посмотрел я на нее.

– Нет, – ответила Ирина.

– А что ты тогда делаешь? – спросил я.

– Что я делаю? – Взгляд Ирины смягчился, и следующую фразу она произнесла более мягко: – Просто я не хочу, чтобы ты в своем расследовании этого дела направился по ложному пути. Это отнимет у нас время, которого и так не очень много.

– Хорошо, – решил я принять ее точку зрения. – Значит, будем подозревать только Аленину и эту, как ее... Светлану Аркадьевну.

– Вот и отлично. – Ирина улыbnулась и чмокнула меня в щеку: – Я в тебя верю.

На что я голосом Михаила Горбачева ответил:

– И это правильно...

Пиктиримов вернулся в вагончик через полтора часа. Один.

– А где Аленина? – спросила его Ирина.

– Она не придет, – глухо ответил Альберт Андреевич.

– Почему? – как бы между прочим поинтересовался я, хотя то, что нам не удастся побеседовать с Алениной, меня отнюдь не обрадовало.

– У нее после съемок разболелась голова, – сообщил Пиктиримов. – Так бывает...

– Все ясно, – сказала Ирина и выразительно посмотрела на меня. – Она с нами просто не хочет разговаривать. Или боится...

– Не факт, – сказал я.

– Факт, – не согласилась со мной Ирина. – Ну что, убедился?

– В чем? – не понял я ее выпада.

– В том, что отец не виноват? – ответила Ирина. – Он ведь с нами поговорил и рассказал все, о чем ты его спрашивал...

Я промолчал.

– Ну, может, у нее и правда разболелась голова, – не очень уверенно произнес Альберт Андреевич. – Все-таки было отдано много душевных сил, личных переживаний.

– Ага, разболелась, – усмехнулась Ирина. – Она просто боится с нами разговаривать.

– Ну а чего ей нас бояться? – пожал я плечами. – Мы не полиция, не прокуратура. Она может попросту не хотеть с нами говорить. Потому что ни во что нас не ставит...

– Если так, то это она зря, – задумчиво произнесла Ирина.

– А дочь ее, Маша? – задал я вопрос Пиктиримову. – Она на площадке?

– Наверное, – ответил Альберт Андреевич.

– У нее-то, может, голова не разболелась? – спросил я с некоторой надеждой.

– Я понял, – произнес режиссер и исчез.

Вернулся Пиктиримов опять один.

– Что, и у Маши тоже разболелась голова? – не без сарказма спросила отца Ирина.

– Нет, – ответил режиссер. – Впрочем, я не знаю. Знаю только, что она вместе с Алениной уже уехала домой.

– А где они живут, ты знаешь? – спросила Ирина.

– Знаю, – сказал Альберт Андреевич.

– Завтра у тебя съемки есть? – поинтересовалась Ирина.

– Есть, конечно, – ответил Пиктиримов. – Вечерние...

– Отлично. Давай адрес, и мы пошли, – безапелляционно сказала моя подруга, решив и за себя, и за меня, как она это часто проделывала. Впрочем, спрашивать Пиктиримова мне больше было не о чем, и после того, как Альберт Андреевич записал на бумажке адрес Алениной и передал ее дочери, мы попрощались и ушли.

– Сегодня мы к ним не поедem, – сказал я Ирине, когда мы вышли из режиссерского вагончика. – Поскольку нас все равно не примут. Даже если бы у Алениной эта мигрень прошла.

– Конечно, не поедem, – согласилась Ирина. – Поедem к ним завтра. С утречка. Пока дневные заботы еще не вызвали головных болей, – добавила она не без сарказма.

Я промолчал. Потому что перечить девушке было бесполезно.

– Я сегодня ночью у тебя, – так же безапелляционно заявила она.

– Хорошо, – ответил я. Против этого ее решения я ничего не имел против. И даже наоборот.

Глава 3. Несостоявшийся поцелуй, или Допрос второй

– Вставай, соня!

Вот ведь... А мне так хотелось досмотреть до конца этот сон про мое детство и Светку Шилохвостову из пятого «Б». Она мне нравилась, и однажды я назначил ей свидание недалеко от школы, в сквере, у никогда не работающего фонтана с мраморным лебедем и чашей из облупившейся стеклянной мозаики. Я не надеялся, что Светка придет, и ждал ее так, для очистки совести. Но она вдруг пришла! Опоздав, конечно, как и положено уважающей себя барышне, почти на пятнадцать минут. Я был растерян и совершенно не представлял, что делать, что говорить, куда идти. Язык будто присох к гортани, а руки и ноги сделались ватными и непослушными, хотя мужичком я был довольно спортивным и весьма ловким.

Светка то ли почувствовала мое состояние, то ли внутри у нее включилась какая-то природная мудрость, которая имеется у всех женщин любого возраста (ее надо только уметь или хотеть включить), и она взяла инициативу в свои руки, против чего я совершенно не возражал. Мы гуляли по городу, разговаривали об учебе, учителях, о том, что нас ждет, когда мы повзрослеем. Мне было ужасно интересно с ней. Как юному человеку с человеком уже взрослым и опытным, знающим то, чего не ведаю я. Впрочем, наверное, она и была взрослей меня. С девочками всегда так...

Был уже вечер, когда мы прощались. Я проводил ее до дома, и она поцеловала меня в щеку.

– Спасибо, – сказала она и повернулась, чтобы уйти.

– За что? – спросил я.

– За прекрасный день, – по-взрослому ответила она и посмотрела мне прямо в глаза.

Я взял ее за руку, приблизился и потянулся к ней губами. Еще миг, и я поцелую ее, и этот поцелуй свяжет нас крепко-крепко, может, навсегда, чего мне и хотелось в тот момент. Я уже чувствовал ее яблочный запах и нежность бархатистой кожи. Сейчас мои губы коснутся ее щеки, и мы со Светкой уже никогда не расстанемся...

– Вставай, я тебе говорю...

Поцелуя не случилось. Как не случилось тогда, когда я в первый и последний раз проводил Светку Шилохвостову домой... У меня с ней вообще ничего не случилось. А жаль. Могла бы получиться красивая история, которую мы бы потом рассказывали своим детям, а то и внукам. В жизни всегда так – многое из задуманного не случается, словно вмешиваются какие-то внешние силы, неведомые нам.

Я открыл глаза и увидел Ирину. Она была уже одета и держала в руке чашечку кофе.

– Пей кофе, быстро умывайся, одевайся и пошли, – заявила она, и в ее голосе прозвучали знакомые нотки маминого голоса. Мама так безапелляционно говорила, когда собирала меня в ненавистный садик. Конечно, не предлагая сначала испить кофе.

Я сел на постели, принял из рук Ирины чашечку с кофе и сделал глоток. Кофе был горячий, но пить можно. Удивительное дело: как это у Ирины получается именно так, как надо мне и как я больше всего люблю. Я ведь никогда не говорил ей, что мне нравится кофе такой-то температуры и такой-то крепости. Как не говорил и многое другое, что она про меня знала. Вот только откуда?

Аленина с дочерью жили в особняке Лисянского в Мякинино, куда он перебрался от своей гражданской жены после того, как сошелся с Натальей Валерьевной. Светлана Аркадьевна также проживала в клубном поселке Рублево-Мякинино. Очевидно, Лисянский рас-

стался с ней мирно, без битья посуды и мордобоя, иначе он не поселился бы со своей новой пассивей столь близко от бывшей, хоть и гражданской, но супруги.

Нам долго не хотели открывать. Как потом оказалось, Наталья Валерьевна надеялась, что к домофону подойдет дочь, а Маша рассчитывала, что нам ответит мать. Ну всегда так!

Наконец в домофоне раздался голос Алениной:

– Вы кто?

Ирина посмотрела в камеру над входом и сказала:

– Я дочь Альберта Андреевича Пиктиримова. Со мной мой друг журналист Русаков. Нам надо с вами поговорить.

Наступило молчание. Наверное, Аленина раздумывала, пускать нас или гнать взашей, но как не пустить дочь своего режиссера? Для этого нужны веские основания, которых у Натальи Валерьевны не имелось. И калитка в воротах открылась.

Мы прошли по гравийной дорожке к двухэтажному деревянному коттеджу, исполненному в псевдорусском стиле, правда, без особых вычурностей и аляповатости, почему-то выдаваемой за национальный колорит. Очевидно, у Лисянского был неплохой вкус, если он выбрал для себя и новой семьи не чужеземные «резиденции» и таунхаусы, а добротный русский дом с гектаром земли и вековыми соснами и голубыми елями на участке.

Мы поднялись на крыльцо и подошли к дубовым дверям. Тотчас раскрылись входные двери, и перед нами предстала Наталья Валерьевна Аленина собственной персоной. На ней не было ни капли макияжа, и ее природная славянская красота идеально гармонично сочеталась с шелковым пеньюаром, поверх которого был накинут шелковый же халат. Наталья Валерьевна улыбнулась и несколько виновато произнесла:

– Простите, что заставила вас ждать. Но, согласитесь, для визитов еще немного рановато. К тому же, – добавила она, – мы с дочерью попросту еще спали...

– Это вы нас простите, что мы так рано, – улыбнулась в ответ Ирина, выбравшая для своего поведения тактику светской дамы. – Просто мы узнали, что вечером у вас съемки, вот и решили посетить вас с утра пораньше, дабы ни вас, ни нас не поджигало время.

Мы вошли в большой холл, переходящий в каминный зал, и уселись на кожаных диванах друг против друга. В конце зала возле самого окна находилась широкая деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Гостиная была отделана в модном ныне среди небедных людей экостиле. То есть ни пластика, ни искусственного камня или плитки и прочих ненатуральных материалов не было и в помине.

– Познакомьтесь, – сказала Ирина, указав на меня Алениной, – это мой друг – телерепортер Аристарх Русаков.

– Наталья, – подала мне свою руку Аленина, и я с напускным благоговением ее пожал. Конечно, несильно, а так, слегка.

– Аристарх обладает большими дедуктивными способностями, – начала Ирина светскую беседу. – Он любезно согласился помочь моему отцу выпутаться из... сложного положения, в которое он попал в связи с убийством вашего... – Ирина сделала вид, что не может подобрать нужного слова, и в ожидании помощи посмотрела на Аленину. Наталья Валерьевна поняла этот взгляд и произнесла:

– Мужа... Называйте Марка моим мужем, ведь мы создали с ним семью. И к Машеньке он относился как к дочери...

– Спасибо, Наталья Валерьевна, – сказала Ирина и продолжила: – Так вот, мой друг Аристарх согласился помочь моему отцу в том, чтобы найти настоящего убийцу вашего мужа. Мы с Аристархом убеждены, что мой отец ни в чем не виноват...

– Я тоже в этом убеждена, – искренне, как мне показалось, сказала Аленина. – Марк и Альберт Андреевич были добрыми старинными друзьями, и это всем хорошо известно. –

После этих слов Наталья Валерьевна перевела свой взор на меня и с интересом спросила: – А вы, Аристарх... э-э-э...

– Зовите просто Аристарх, – охотно помог я актрисе.

– ...ведете собственное расследование?

– Ну, как вам сказать... – начал было я, но Ирина не дала мне договорить:

– Ведет, ведет. Просто мы это не очень афишируем.

– А как же полиция? – Аленина задала этот вопрос уже нам обоим. И Ирина ответила за нас так:

– Полиция считает отца главным подозреваемым. И пока не собирается менять своего мнения.

– Печально, – немного посмурнела лицом Наталья Валерьевна.

– Еще как, – согласилась Ирина. – Если отца арестуют, кто будет снимать фильм?

– Да, действительно? – посмотрел я на Аленину. – Как бывает в таких случаях, когда фильм запущен, а режиссер вдруг умирает, ложится в больницу или садится в тюрьму, не приведи ничего этого господь в отношении режиссера Пиктиримова, – добавил я, чтобы показать Ирине, что мои слова ни в коей мере не относятся к ее отцу.

– Тогда продюсер выбирает для съемок фильма нового режиссера, – немного подумав, ответила Наталья Валерьевна.

– А если нет и продюсера? – спросил я.

– Ну, я не знаю... – опять не сразу ответила Аленина.

Мы все трое немного помолчали, пытаюсь в уме ответить на мой вопрос. И, похоже, никому в голову не пришло ничего утешительного.

– Значит, вы не верите, что Пиктиримов мог убить вашего... мужа? – задал я новый вопрос, так, для разгона, на который в отличие от предыдущего вполне можно было ответить.

– Нет, не верю, – твердо ответила Наталья Валерьевна.

– А почему? – посмотрел я на актрису.

– Потому что этого он сделать просто не мог, потому что это не в его характере, потому что смерть продюсера Лисянского режиссеру Пиктиримову попросту не выгодна, в конце концов. Ведь Марк финансировал фильм, который бы вернул Альберта Андреевича в обойму действующих режиссеров и сделал его известным и вновь востребованным, – вполне убедительно промолвила Аленина. – Согласитесь, кто же рубит сук, на котором сидит? Пиктиримов человек неглупый и очень, очень талантливый. А убить – значит поставить на своем будущем, на всех своих творческих планах, да и на себе самом крест... Нет, – сделала небольшую паузу Наталья Валерьевна и повторила: – Альберт Андреевич, вне всякого сомнения, никого не убивал.

– А кто тогда мог это сделать? Что вы по этому поводу думаете? – задал я привычный «следовательский» вопрос.

– Этот вопрос мне уже задавал следователь, – произнесла Аленина.

– И как вы на него ответили? – поинтересовался я.

– Я ответила, что не знаю, – вяло произнесла Наталья Валерьевна.

– У вашего мужа не было врагов? – спросил я.

– Наверное, были, – пожала плечами актриса. – У богатых людей всегда есть враги и недоброжелатели. Так уж устроен наш российский человек, а зависть – одна из составляющих нашего менталитета.

– То есть назвать фамилии людей, которые могли бы являться врагами продюсера Марка Лисянского, вы никак не можете? – задал я уточняющий вопрос.

– Увы, к сожалению, – ответила Наталья Валерьевна.

– Скажите, а где вы были тем злополучным вечером, когда вашего мужа... когда ваш муж встречался со своим другом и режиссером Пиктиримовым? – спросил я.

Аленина с каким-то странным и исполненным то ли негодования, то ли возмущения интересом посмотрела на меня и криво усмехнулась. На ее приятном лице на мгновение обозначились жесткие черточки, что явно выказывало ее недовольство столь нелицеприятным вопросом. Нет, это был не испуг, не растерянность и не удивление. Это было затаенное раздражение и даже, как мне показалось, некая затаенная злость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.